

Матрица кризиса

Денис Драгунский

«Удовлетворение влечений дает нам не только счастье, оно представляет собой и первопричину тяжчайших страданий, когда внешний мир отказывает нам в удовлетворении потребностей и обрекает на лишения.

Поэтому можно надеяться на освобождение от части страданий путем воздействия на эти влечения».

Зигмунд Фрейд.

Совпадение финансового, топливно-го и продовольственного кризисов вызывает тревогу, тем более что продовольственный кризис быстро приобретает социальную (этносоциальную), а также цивилизационную окраску. Здесь возникает несколько интересных сюжетов, связанных с прогнозированием исхода кризиса, а также с матрицей, на которой кризис разворачивается и которая определяет его специфику.

Прогноз и вытеснение

Прямые экстраполяции и рациональные проекты — вот два рода прогнозов, которые наиболее распространены, идет ли речь о проблемах частного лица или об оценках национального будущего. Планирование должно опираться на позитивную динамику: вчера я был ассистентом, сегодня я доцент,

завтра стану профессором; вчера у нас был валовой внутренний продукт 100 млрд., сегодня — 200 млрд., значит, завтра будет 300. Либо же оно опирается на критическую оценку ситуации и выстраивание позитивных картин развития: с понедельника бросаю курить и начинаю делать зарядку; с 2009 г. приступаем к строительству дорог и университетов. Катастрофические прогнозы и антиутопии — то же самое, но с обратным знаком.

Экстраполяции и рациональные проекты эффективны в повседневной жизни. Но, как показывает опыт, они совершенно не годятся в более общей перспективе, причем не обязательно в долгосрочной. Казалось бы, понятно, что Ж.-Ж. Руссо не мог предположить, как будет выглядеть (если угодно, как будет реализован) его рациональный эгалитаристский проект через сорок лет после «Рассуждения о науках и искусствах» и через тридцать лет после «Общественного договора»: слишком долгий срок, да и автор не дожил. Да, его призывы справиться с чрезмерным социальным расслоением актуальны сегодня так же, как и два с половиной века назад, но актуальны скорее как моральная максима, нежели как руководство к прямому политическому действию.

Разумеется, все согласится, что знаменитое пророчество «мы приближаемся к веку кризисов, к веку революций» [Руссо 1896] исполнилось, как говорится, с превы-

шением. Но оно сформулировано слишком *общее*, поэтому и остается именно пророчеством, а не прогнозом. Гораздо важнее другая его фраза из того же пассажа: «Вы не сможете ни предвидеть, ни предупредить революцию, которую смогут увидеть ваши дети». Собственно, здесь речь идет о разрыве между ощущением катастрофы — ощущением оправданным, реалистичным — и более или менее точным прогнозом. Вспоминается разговор писателя Кармазинова и Петруши Верховенского:

«— ...если назначено осуществиться всему тому... о чем замышляют, то... когда бы это могло произойти? <...> Примерно? Приблизительно?

— К началу будущего мая начнется, а к Покрову все кончится, — вдруг проговорил Петр Степанович.

— Благодарю вас искренно, — проникнутым голосом произнес Кармазинов, сжав ему руки» [Достоевский 1974].

Однако ни в мае 1872 г., как явствует из романа «Бесы», ни в последующие годы ничего *замышляемого* не произошло: даже убийство царя не вызвало революции. Хотя нетерпеливым предчувствием великих потрясений было охвачено все общество.

И в тяжелом военном 1915 г. никто в России не мог предвидеть национальной катастрофы 1918 г. Утомленные брежневским застоєм и обрадованные первыми речами М. Горбачева советские люди, в том числе и сильные аналитики, даже в самых отчаянных фантазиях и рискованных прогнозах не могли предвидеть событий 1991 г.

Технологические слабости прогнозирования и проектирования сплетаются с психологическими проблемами. Эти проблемы предстают в двойном обличье. С одной стороны, это весьма высокий вес в политическом процессе психологического фактора, который часто игнорируется как субъ-

ективный и плохо измеряемый. С другой стороны, это психологические особенности исследователя — как его собственные личностные черты, так и более общие законы функционирования психики.

В «Неудовлетворенности культурой» (1929) З. Фрейд писал: «Отнюдь не непонятным совпадением является тот факт, что мечта о германском мировом господстве для своего завершения прибегла к антисемитизму; и становится понятным, что попытка создания новой коммунистической культуры в России находит свое психологическое подкрепление в преследовании буржуазии. Можно лишь с тревогой задать себе вопрос, что будут делать Советы, когда они уничтожат всех буржуев» [Фрейд 1990].

Это хрестоматийный образец правильного предвидения, исполнившегося прогноза. Фрейд указывает на две важнейшие вещи.

Первое. Для любой позитивной идентичности нужен некий «негативный идентификатор», объект, от которого индивид или группа отталкиваются, который они делают мусорным контейнером для собственных — действительных или воображаемых — отрицательных черт. Для националиста — это «другой, чужак», роль которого в Европе традиционно играл образ еврея. Для социалиста — это буржуа, капиталист.

Второе. Фрейд пишет, что источники агрессивности находятся не только вовне, но и внутри человека, поэтому уничтожение частной собственности не приведет автоматически к всеобщей любви, терпимости и уважению.

По указанным причинам Фрейд прогнозирует — и, как оказалось, вполне обоснованно — репрессии по отношению к лояльным советским гражданам. В этом смысле время публикации «Неудовлетворенности культурой» — 1929 год — весьма знаменательно. Коммунисты победили внешних врагов и

внутренних мятежников, социалистический проект воплощается просто-таки на глазах. Носителей частной экономической инициативы, даже в обрубленном нэповском обличье, в Советском Союзе больше нет. Синдикаты и тресты лишаются самостоятельности, завершается антирыночная реформа управления народным хозяйством. Капитализм уничтожен институционально и персонально. При этом наблюдается мощный экономический рост. Вроде бы должна наступить общенародная благодать. Но классовая борьба только обостряется. Замаячила эпоха Больших Процессов. Вместо реальных буржуев появились «пособники буржуазии», точно так же, как в нацистской Германии после фактического уничтожения евреев появились «евреи по образу мыслей и кругу общения», то есть неправильные немцы.

Но обратимся к первой части этой знаменитой цитаты.

Фрейд ни слова не говорит о реальных последствиях германского «идентификационного антисемитизма», не задумывается о грядущей судьбе европейских евреев — хотя это судьба его и части его семьи (через десять лет его самого с трудом вывезут из оккупированной Австрии в Лондон, а его сестры погибнут в нацистском лагере). Фрейду нельзя отказать в беспримерной интеллектуальной отваге. Однако есть порог, перед которым самые смелые и утонченные умы останавливаются: трагедия собственной жизни. В самом деле, почему бы не спросить себя и читателей: что же станет с евреями (то есть со мной, с человеком Зигмундом Фрейдом) после того, как мечта о германском мировом господстве хоть отчасти станет реальностью? Ответ ужасен и психологически неприемлем, поэтому удобнее спросить о судьбе советских граждан после окончательной победы коммунистов над буржуазией. И уж подавно невозможен

вопрос, что будут делать немецкие националисты после того, как евреи будут уничтожены. Фрейд, открывший универсальный психологический механизм вытеснения, сам попадает под его власть.

Катастрофический ансамбль

Бывает, что монарх безволен, его преемник бессилён, а сменившее их демократическое правительство бездарно. Бывает, что события на фронтах оставляют желать лучшего, а все новые и новые мобилизации лишают страну рабочих рук и, вместе с тем, переполняют ее вооруженными людьми, разочарованными в политике государства. Бывает, что спецслужбы проявляют необъяснимую мягкотелость там, где нужно быть жесткими и решительными — например, не ликвидируют и даже не арестовывают опасных заговорщиков, прикрываясь широким веером малоубедительных доводов, от скрупулезного следования закону до неуместных чувств диссидентской солидарности. А там, где нужно, наоборот, проявить предельную лояльность и уступчивость, действуют грубо и кровожадно — например, расстреливают демонстрацию рабочих. Вводится сухой закон, который на практике оборачивается запретом исключительно на водку. По этой причине простой народ, лишенный лучшего на свете транквилизатора, совершенно звереет, меж тем как высшие сословия продолжают пить шампанское. Бывает, наконец, что в больших городах совершенно случайно возникают перебои с хлебом и другими товарами первой необходимости. А крестьяне при этом ожидают давно обещанного передела земли, который, по их мнению, должен состояться в ближайшие месяцы. Так или примерно так обстояло дело в России 1917 г.

Все это по отдельности и даже пучками по два-три явления крайне неприятно и тре-

можно, но не катастрофично. Беда приходит тогда, когда все эти моменты наступают одновременно, действуя в одном направлении, переплетаясь и взаимно усиливаясь, составляя своего рода катастрофический ансамбль. Это похоже на городские катастрофы, когда сочетание вроде бы мелких неурядиц (дождь, ветер, туман, обрыв проводов, падение деревьев, прорыв тепло-трасс) приводит к крупным неприятностям, а то и к человеческим жертвам. Фатальное скопление досадных мелочей. Это, разумеется, не означает, что нет никакой матрицы кризиса, его объективной основы. Но об этом чуть позже.

Очевидно, нынешний топливно-продовольственный кризис также является своего рода катастрофическим ансамблем или, как минимум, его стартовым состоянием.

Расширение кризиса, добавление в него социальной, этнической и цивилизационной составляющих, увы, естественно. Энергетические проблемы только отчасти могут быть смягчены высоким социально-экономическим статусом индивида или группы: если прекращается подача электричества или бытового газа, то беда настигает практически всех. Дороговизна продуктов питания касается, прежде всего, малообеспеченных слоев населения, к которым, в частности, относится большинство иммигрантов. Кроме того, от продовольственного кризиса более других страдают развивающиеся многонаселенные страны Африки и Азии. Это, в свою очередь, стимулирует миграцию: если в развитых странах бесправные иммигранты сегодня живут несыто, то в своих родных государствах они (в статусе полноправных граждан) просто гибнут от голода. Таким образом, социальная, этническая и, особенно, цивилизационная окраска продовольственного кризиса способна перевести его с экономического уровня на новый, более

опасный — на уровень внутривнутриполитических и мирополитических конфликтов.

Вспомним, что энергетический кризис начала 1970-х годов происходил на фоне относительного продовольственного благополучия. Это были годы триумфа «зеленой революции». Именно тогда нуждавшаяся в рабочих руках Европа радостно встречала гастарбайтеров: до злобного «понаехали» оставалось еще лет двадцать. Во время социальных потрясений 1968 г. был относительный порядок и с топливом, и с продовольствием. Что касается межцивилизационных (а также межэтнических) противоречий, то мир тогда переживал период постколониального энтузиазма; Европа каялась за Холокост; дружба народов была лозунгом Второго мира, который сильно влиял на Третий. Мировой финансовый кризис конца 1990-х годов не сопровождался энергетическим безумием. Таким образом, катастрофический ансамбль не складывался.

Матрица кризиса

Я полагаю, что любой серьезный кризис, а тем более ансамбль кризисных тенденций, развертывается на популяционной матрице. Динамика рождаемости, смертности, миграции, обретения и утраты идентичности и, главное, занятости — вот, собственно, основные факторы перемен. Главной волной Большой Русской Революции 1861 г. (возможно, она еще не окончена) были оторванные от земли крестьяне. Попытки отдать им землю, а затем в течение нескольких поколений неспешно и естественно провести урбанизацию страны наткнулись на эгоизм правящего сословия, охваченного идеями различной степени бредовости: от исконных дворянских привилегий до поспешной индустриализации.

В любом случае речь идет о кризисе распределения социальных ниш между группами. Постиндустриальные — весьма радикальные — изменения в экономике, в воспроизводстве рабочей силы естественным образом вызывают столь же сильные изменения занятости, это банально. Важно то, что структура занятости решающим образом определяет специфику семьи, образования, расселения, политического участия, трансляции культуры (в самом широком смысле слова), а также структуру потребления.

Кризис ресурсов, в свою очередь, является следствием кризиса социальных ниш. Топлива не стало меньше, да и количество физических лиц-потребителей тоже не слишком возросло в малолетней Европе. Но растет количество потребляемых энергии, автомобильного топлива и электричества, что позволяет постоянно повышать цены. Постиндустриальный мир декларирует рост «дистантной занятости» (работник сидит за компьютером у себя дома). Однако количество автомобильных пробок во всем мире растет так, как будто все едут на фабрику и обратно. Очевидно, автомобиль стал частью социальной ниши, необходимым и уже мифологизированным инструментом ее формирования.

Массовая фабричная занятость эпохи модерна формировала достаточно стандартное и легко регулируемое потребительское (и не только потребительское!) поведение большинства. Постиндустриальное общество — это своего рода «массовое общество эгоистов». Самой общей ценностью становится индивидуализм. Пусть грошовый, штампованный, но позволяющий ощутить свою уникальность, захлопнув за собой дверцу автомобиля: это уже не средство передвижения и, конечно, не роскошь. Это граница между «я» и «не-я», это расширенное тело и маленький дом. Только так можно

понять многочасовые страдания людей, которые, подобно леммингам, фаталистически ползут по городским магистралям в своих четырехколесных идентификаторах.

Экологи правы — надо ограничивать потребление, иначе мы все отравимся или задохнемся. Правы и правозащитники — надо соблюдать права преступников, иначе придет очередь законопослушных граждан. Но люди требуют смертной казни и новых автомобилей.

Потребительский эгоизм, стремление купить еще-еще-еще, помноженный на эгоизм производителя, стремящегося продать еще-еще-еще, — это сила, способная поглотить все ресурсы планеты, поднять цены на нефть до уровня цен на молоко и спровоцировать тем самым глобальный социально-цивилизационный кризис: энергетический, продовольственный, миграционный, идентификационный и, разумеется, экологический.

Я специально не пишу о терроризме, объявленном чуть ли не главной опасностью современности. Борьба с терроризмом как таковым — это психологическое отрицание кризиса, его глубинных причин. Да, 9/11 было, было и многое другое: убийства, взрывы, захваты заложников. Но это не болезнь, а ее проявления. Это не тиф, а сыпь.

Вечные ответы

В 1749 г. Дижонская академия задавала философам вопрос: способствовало ли развитие наук и искусств моральному прогрессу человечества? Руссо ответил отрицательно [Руссо 1969]. Это была не просто игра ума, не просто эпатаж и не традиционное рассуждение о «коромысле этики и эстетики», то есть о красоте и пользе, о распущенности и расслабленности, порождаемой успехами цивилизации, о крепости духа и тела, которая сопутствует

жизненной простоте. Это была — если забежать почти на два века вперед — своего рода «неудовлетворенность культурой», попытка найти рецепт обуздания чрезмерных потребностей, попытка остановить разогнавшийся тандем роскоши и бесправия. Руссо предлагал рациональный проект, основанный на возврате к природной простоте и народному суверенитету. Сочетание этих двух параметров сделало Руссо (очевидно, помимо его желания) идейным предтечей одного из самых жестоких революционных режимов. Народный суверенитет обернулся диктатурой, а показной аскетизм Ш. Робеспьера сменился пышностью наполеоновской эпохи. Неудовлетворенность культурой продолжала нарастать — и в строго фрейдском смысле (человеку не нравятся культурные запреты), и в более широком руссоистском смысле (бремя потребления становится неподъемным).

В словах Фрейда, которые я привел в эпиграфе, речь идет, разумеется, об окультуривании влечений. Однако избавить людей от таких страданий, как зависть, честолюбие, социальные амбиции, неудовлетворенный потребительский раж, можно не только путем воспитания влечений (чем и занималась тоталитарная педагогика XX в., вначале рьяно взявшаяся за психоанализ, а затем отказавшаяся от него во имя коллективных и быстродействующих психологических техник). Не

менее радикальный способ — обесмыслить влечения, резко сократив возможности социальных достижений, ограничив ассортимент потребляемых благ. Собственно, это и есть тоталитарный рецепт.

К сожалению, футурология всегда тоталитарна, «платонична», то есть предполагает воплощение Высшего Разума в правящем сословии. Кроме различных — и не раз опробованных — сочетаний правого и левого, либерализма и консерватизма, национализма и космополитизма, существует еще один, чисто русский ответ на кризис.

Например, к 1992 г. все было готово к распаду России. Москва не контролирует регионы. Экономическое пространство разорвано. Инфраструктура изношена. В Свердловске печатают «уральские франки». Уже почти провозглашены Уральская, Сибирская и Балтийская (Калининград) республики. Казалось, еще чуть-чуть — и десяток губернаторов объявят о роспуске федерации, правительство начнет их усмирять, «и пойдет потеха», как сказано в «Борисе Годунове». Серьезнейшие аналитики ждали морозов, лопнувших труб и голода. Но теплая зима и либерализация цен позволили стране и народу проскочить эту опасную развилку.

Однако вряд ли стоит надеяться, что все как-то обойдется. Нужен тщательный анализ кризисной матрицы во всех ее измерениях — от демографии до психологии.

примечания

Достоевский Ф.М. 1974. Бесы // Достоевский Ф.М.

Полн. собр. соч. Т. 10. Л.

Руссо Ж.Ж. 1896. Эмиль, или О воспитании. М.

Руссо Ж.Ж. 1969. Рассуждение, получившее премию Дижонской академии в 1750 году по вопросу «Способствовало ли возрождение наук

и искусств очищению нравов?». М.

Фрейд З. 1990. Неудовлетворенность культурой. М.